

Горные гряды, точно Дракон и Тигр в нерушимых объятиях, сходились с обеих сторон, беря в плотное кольцо почти всю гору и поместье семьи Сун. Камни и скалы будто обрели собственную волю — эта природная формация «Кольца Дракона и Объятий Тигра» возникла сама по себе, без чьего-либо вмешательства. И пока эта печать цела, никому отсюда не выбраться.

Но с чего бы вдруг всему так меняться? Сначала яростная схватка Лазурного дракона без лап и Белого тигра, несущего труп; затем их противостояние переродилось в смертоносные проклятия двух зверей-хранителей, а теперь они и вовсе объединились, замкнув кольцо от головы до хвоста. Чжоу Тун ни за что бы не поверил, будто здесь обошлось без человеческого вмешательства. Но кто в силах подчинить себе фэншуй целой горы?

Нужно обязательно сходить в чащу и осмотреться, но действовать придется предельно осторожно. Гора обрела защитный инстинкт и теперь яростно противится любому вторжению. Чужаков ждет в лучшем случае блуждание среди морочащих троп и бурелома, в худшем — лавины и камнепады. Хань Цицин, едва не погибший под обвалом, стал тому наглядным примером.

— Пойдём. Переночуем сегодня у Сунов, — обратился Чжоу Тун к Дуань Чжэну, который уже метался как наскипидаренный. — Набери Сун Сюаня. Скажи, что надвигается гроза, спуститься мы уже не успеваем, поэтому возвращаемся.

— Понял! — отозвался Дуань Чжэн и сразу зашагал обратно вслед за Чжоу Туном, на ходу доставая телефон.

И надо же было такому случиться: стоило им подойти к воротам усадьбы, как небеса разверзлись и хлынул яростный ливень. Оправдание, показавшееся Дуань Чжэну лишь невинной ложью, мгновенно стало явью.

Плотная стена дождя застилала небосвод. Чжоу Тун стоял у окна, созерцая нескончаемые потоки воды. Сквозь узкую щель приоткрытой створки в комнату просачивались сизые, едва заметные струйки чужой обиды и злобы.

Он протянул руку, ловя их кончиками пальцев. Волокна темной энергии послушно обвелись вокруг его ладони, но тут же были безжалостно поглощены тенью, бесшумно соткавшейся за спиной юноши.

— Это скорбь самой горы, — негромко произнёс Чжоу Тун. — Кто-то целенаправленно её оскверняет.

— В фэншуй я не силен, тут от меня проку мало, — отозвалась тень. Он лениво облокотился на подоконник и, точно семечки, загребал горстями струящуюся из щели злобу. — Собрать формацию такого масштаба, чтобы перекрыть энергетические потоки целой горы — задача не из лёгких. Тот, кто стоит за этим, чертовски силен. Настоящий мастер. Так что побереги себя: не забывай, что часть моей души всё ещё в твоём теле.

— Само собой, — согласился Чжоу Тун.

— Завтра пойдёшь в глубь горы?

— Да.

— Ясно. — Тень втянул ещё пару струек тёмной дымки, но брезгливо поморщился, словно вкус угощения пришёлся ему не по душе. Взмахнув рукой, призрак послал воздушный импульс, захлопнувший створку окна. — Уже поздно. Ложись спать.

— Доброй ночи.

Чжоу Тун согласно кивнул и закрыл глаза.

В полусне он бережно перебирал в памяти всё, что когда-либо читал о фэншуй, однако заученные трактаты сейчас казались сухими и бесполезными. Мир таил в себе слишком много непостижимых тайн — разве уложишь их на печатные страницы? Здесь требовалась не книжная мудрость, а живое чутьё и опыт.

Однако странно — сон сморил его мгновенно.

В ночном кошмаре кипела великая битва. Окутанный клубами удушливой скверны Лазурный дракон без лап оглашал небеса неистовым рёвом, его гигантское чешуйчатое тело извивалось среди туч. Навстречу ему, оскалив пасть с зажатым в ней мёртвым телом, грозно высился на круче Белый тигр. Зверь издал оглушительный рык, от которого содрогнулась сама земля.

Сверкали молнии, гремел гром, безумствовал ливень. Иссиня-чёрная, густая дымка проклятий застилала свет, кружась в воздухе подобно увядшим листьям и острым перьям в бурю.

Дракон и тигр бились не на жизнь, а на смерть, их хриплое рычание и скрежет клыков не затихали ни на мгновение. Чжоу Тун стоял далеко внизу, задрав голову к небесам. Перед лицом этого вековечного противостояния он чувствовал себя песчинкой в бушующем океане — ничтожно малым, беззащитным зрителем.

Там, где сталкивались их исполинские тела, раскалывались небеса и рушились скалы. Из трещин в камнях бесконечным потоком струилась тёмная, ядовитая энергия, заполняя всё пространство до самого горизонта.

И вдруг грозовую тьму прорезала ослепительная молния. Она ударила Лазурного дракона точно в лоб. Огласив просторы предсмертным стоном, змей рухнул оземь. Горы тотчас придвинулись ближе, зажимая его в каменные тиски. В то же мгновение из ниоткуда вырвались толстые узловатые корни, опутавшие лапы Белого тигра, а острые каменные глыбы, словно исполинские гвозди, намертво пригвоздили его к земле.

Пленённые чудовища замерли, едва дыша. Стоило им сделать хотя бы слабую попытку вырваться, как сдерживающая их сила сжималась ещё беспощаднее. Из их израненных тел начала струиться чистейшая духовная энергия. Обычно невидимая для человеческого глаза, в этом сне она обрела осязаемую форму и яркими, искрящимися лентами устремлялась ввысь — туда, где на самой вершине небосвода скрывалось нечто, жадно поглощавшее их силу.

Внезапно в грозовых тучах образовался просвет, откуда величественно и плавно выплыла ладья. На её палубе теснились крошечные человечки ростом едва ли в вершок. Они держали в руках изящные лютни и флейты, распевая священные гимны и кружась в танце. Хрустальная, неземная мелодия полилась с небес, наполняя пространство покоем. Прекрасные девы взмахивали шёлковыми лентами всех цветов радуги; когда же эти ленты взмывали вверх, с них срывались и падали вниз сияющие, будто звёздная роса, капли воды.

Мерцающие брызги упали прямо на лоб поверженного дракона. Тяжёлые скалы, сковавшие его тело, тотчас расступились. Великий змей повёл мощной шеей, звучно хлестнул хвостом по камням и вновь обрёл прежнюю царственную силу.

Глядя на него, Белый тигр издал яростный, протестующий рык, но путы из ветвей лишь сильнее впились в его шкуру. Тогда небесная дева вновь взмахнула разноцветными шелками. Живительная влага коснулась тигриной шерсти — и цепкие корни с шипением отпрянули в непроглядную тьму.

В самом центре ладьи, окружённый хороводом танцовщиц, восседал некто величественный. Облачённый в парящие даосские одежды с широкими рукавами, он, опустив взор, неторопливо перебирал струны циня. На его лбу сияла золотая печать, чей ослепительный блеск не позволял разглядеть черты лица. Длинные черные волосы мужчины, лишённые каких бы то ни было украшений, свободно развевались по ветру.

Крошечные певцы без устали вторили чарующим переливам струн. Божественная музыка ширилась, а ладья тем временем начала медленно растворяться в вышине. Просвет в тучах затянулся, оставив после себя лишь тающий золотистый след. Когда корма судна окончательно скрылась в грозовом мареве, небо вновь сомкнулось непроницаемой черной пеленой. словно и не бывало здесь никакой призрачной ладьи.

Усмирённые Лазурный дракон и Белый тигр послушно опустили головы, растворились среди лесных круч и затихли.

Чжоу Тун резко распахнул глаза. Картины безумного сна всё ещё стояли перед его мысленным взором, в ушах призрачным эхом звенела небесная мелодия.

Он тихо, едва слышно пробормотал строки древнего гимна:

— «Кто-то бродит у горных круч, в платье из дикого плюща, подпоясанный повиликой... Взгляд лукавый и нежный смех, ты полюбил меня за изящество...»

Обдумав сон, юноша невольно улыбнулся. Его глаза, глубокие и чистые, как озерная гладь, заблестели в полумраке. Он посмотрел на бушующий за окном ливень, и его лицо озарила догадка:

— Ну конечно... Как же я сразу не догадался?

Он слегка приподнял лежавший у постели Наконечник Бронзовой Алебарды и несильно качнул его. Тень нехотя соткалась из металла и недовольно спросила:

— Что стряслось?

— Время — два часа ночи, — с улыбкой отозвался Чжоу Тун. — Решил разбудить тебя, вдруг в туалет приспичило.

Тень онемела от такого заявления.

— Слышь, ты совсем придурок? — процедил призрак сквозь зубы.

— Ага, — весело подтвердил Чжоу Тун. — А у тебя есть лекарство?

Тень округлил глаза, а затем резко и целиком вырвался из резного узора на бронзе. Сгусток тьмы обрёл плотность и плоть. Невероятно красивое мужское лицо оказалось в считанных сантиметрах от лица Чжоу Туна. Сильные ладони намертво прижали юношу к постели. Тень хищно усмехнулся, в его глазах вспыхнули потусторонние синие огоньки.

Не давая Чжоу Туну опомниться, мужчина накрыл его губы своими, слегка прикусив их. Юноша от удивления приоткрыл рот, и этого мгновения хватило: чужой язык бесцеремонно проник внутрь, жадно вытягивая и сплетаясь с его духовной энергией.

Почти сразу же, не дожидаясь, пока Чжоу Тун опомнится и начнёт сопротивляться, тень отстранился. Медленно облизав губы, тень лукаво протянул:

— Лекарство у меня всегда при себе. Вкусно было?

Чжоу Тун лишился дара речи.

Внезапно тишину ночи прорезала очередная грозовая вспышка, а вслед за ней — истошный, леденящий душу вопль. Чжоу Тун мигом скатился с кровати, набросил на плечи куртку и выбежал в коридор. Крик переполошил весь дом — внизу один за другим загорались источники света, погружая особняк в тревожное сияние.

На полу в коридоре, тяжело дыша, сидела Цзэн Жоу. Волосы её растрепались, подол халата смялся и приоткрыл плечи. Чжоу Тун перевёл взгляд на дверь, возле которой она рухнула — это была комната Хань Цицина. В голову юноши невольно закралась весьма банальная, но грязная догадка.

Сбежавшиеся на крик домочадцы подумали ровно о том же. Зачем приличной женщине околачиваться у чужой спальни в глухую полночь? Прошлые Цзэн Жоу и без того было запятнано: разве станет порядочная девушка много лет крутить роман с женатым Сун Цичао и соглашаться на роль содержанки? Её помыслы никогда не отличались чистотой.

Хэ Лижун, накинув на плечи изящную шаль, стояла на верхней ступени лестницы. Она окинула соперницу ледяным, презрительным взглядом и лишь высокомерно хмыкнула, не удостоив её ни единым словом. Лицо пожилой хозяйки дома потемнело от гнева. Цзэн Жоу похолодела от ужаса — она поняла, что это конец. Каким бы желанным ни был её новорожденный сын, после сегодняшней выходки путь в высшее общество семьи Сун для неё закрыт навсегда.

Чжоу Тун, решив не вмешиваться в семейные дразги, обошёл рыдающую женщину и постучал в спальню Хань Цицина. Дверь приоткрылась почти сразу. На пороге стоял хозяин комнаты — Хань Цицин выглядел взбешённым, но, разглядев гостя, заметно смягчился.

— Чжоу Тун? — удивлённо спросил он. — Что-то случилось? Почему ты не спишь в такой час?

— Есть разговор, — кивнул Чжоу Тун. — Мне всё равно не спится, да и тебе, полагаю, сейчас не до отдыха. Нужно кое-что обсудить.

— Заходи, — Хань Цицин отступил в сторону, пропуская его. — Поговорим без лишних ушей.

— Хорошо.

Перед тем как закрыть за собой дверь, Чжоу Тун мельком оглянулся на Цзэн Жоу. Та уже поднялась на ноги, поправила сползший халат и, вскинув подбородок с вызывающим видом, покачивая бёдрами, зашагала прочь. Вот только плечи её мелко подрагивали — то ли от бессильной ярости, то ли от жгучего стыда.

Оказавшись внутри, Чжоу Тун вздохнул:

— Эта Цзэн Жоу слишком хитра и изворотлива, а ты обошёлся с ней чересчур круто. С призраками и нечистью совладать куда проще, Хань Цицин. Поверь, самое страшное в нашем мире — это человеческая природа.

— Понимаю, старшие в роду твердили мне об этом с самого детства, — Хань Цицин устало потёр виски. — Но за последние дни навалилось столько всего... Голова кругом идет, вот и потерял бдительность. Когда она прокралась в мою комнату в темноте, я сдуру принял её за

тварь из иного мира и заклинанием выставил вон.

Чжоу Тун лишился слов от такой простоты. Не выдержав, он негромко рассмеялся и покачал головой:

— Да уж... Ладно, ты ещё не до конца восстановился после обвала. Ложись-ка в постель и просто послушай.

— Хорошо, — Хань Цицин послушно опустился на подушки и выжидающе уставился на собеседника. — Если ты пришёл ко мне глухой ночью, значит, дело действительно серьёзное.

— Именно так, — посерьёзnel Чжоу Тун. — Я не хотел тревожить тебя, пока ты был слаб, но медлить больше нельзя. Фэншуй этой горы кардинально изменился. Вокруг нас сомкнулось «Кольцо Дракона и Объятия Тигра». Нас заперли здесь, Хань Цицин. Мы не сможем уйти.

— Что?! — ахнул тот. — Как такое могло произойти всего за одну ночь?!

— До конца не уверен, — Чжоу Тун на мгновение задумался. Перемены в энергетических потоках начались аккурат после того, как Хань Цицин попал под завал. Неужели он случайно задел какой-то древний ограничитель?

Впрочем, сейчас гадать об этом было некогда.

— Но у меня есть план, как пробить эту брешь, — продолжил Чжоу Тун. — Правда, без твоей помощи мне не обойтись.

Хань Цицин тут же подобрался:

— Я весь внимание. Говори, что нужно делать.

— Ты ведь наверняка слышал о «Девяти песнях» и «Шести танцах» древности?

Хань Цицин согласно кивнул:

— Разумеется. «Девять песен» — это бессмертный труд поэта Цюй Юаня, состоящий из одиннадцати гимнов для подношения богам: Дунхуан Тай-и, Юньчжун-цзюню, владыкам реки Сян и великим вершителям судеб. А «Шесть танцев» берут начало ещё в «Чжоуских ритуалах». Там упоминаются военный танец для усмирения горных и речных духов, ритуальный пляс с лентами для благополучия государства, танец с перьями для почитания сторон света и обряд призыва дождя. Но к чему ты клонишь?

Чжоу Тун многозначительно улыбнулся:

— В глубокой древности жрецы-фансяны, облачившись в черные ризы и алые плащи, потрясали копьями и щитами, изгоняя демонов поветрий. Я хочу, чтобы мы разделили эту задачу. Один из нас исполнит «Девять песен», а второй исполнит военный танец с оружием. Так мы сможем очистить Лазурного дракона и Белого тигра от скверны и умиловать разгневанного духа этих гор.

Хань Цицин нахмурился, всё ещё пытаясь осмыслить услышанное:

— Но как же так?.. Когда я только приехал и осматривал местность, здесь не было злых сил. Да, не святая обитель, но вполне достойный край, где гармонично циркулирует энергия. Откуда за считанные часы взялось столько мертвящей злобы? — Он спохватился и поспешно добавил: — Прости, я ни в коем случае не сомневаюсь в твоих словах, просто это в голове не укладывается...

— Всё в порядке, я понимаю твое недоумение, — успокоил его Чжоу Тун. Обычные люди не обладали Глазами Инь-Ян, они не могли видеть нематериальные потоки энергии и судили обо всём лишь по книгам да личному опыту. Юноша протянул руку Хань Цицину: — Возьми меня за руку.

Тот послушно опустил ладонь в его руку. Чжоу Тун сосредоточился, направляя поток своей духовной силы, и указал свободной рукой на темное стекло:

— Смотри туда.

За окном неистовствовал ливень. Хань Цицин до боли в глазах вглядывался в кромешную тьму, силясь разглядеть хоть что-то, как вдруг ночной мрак расступился. Юноша потрясённо выдохнул и невольно подался вперёд, едва не прижавшись лбом к стеклу.

Там, на лесистых кручах, дремал исполинский Лазурный дракон, его мощный хвост бессильно волочился по земле. Чуть поодаль замер огромный Белый тигр, его лапы словно придавило невидимым прессом. Энергия двух зверей-хранителей переплеталась, стягивая гору нерушимым удушающим кольцом.

— Невероятно... — Хань Цицин ошеломлённо покачал головой, не в силах отвести взгляд. — Как... как такое вообще возможно?

Чжоу Тун разомкнул пальцы. Видение мгновенно растаяло. За окном снова раскинулся привычный ночной пейзаж, и лишь дождевые капли уныло стучали по карнизу.

Хань Цицин медленно повернулся к Чжоу Туну, его взгляд был полон благоговейного трепета:

— Мастер...

— Ну полно тебе, не нужно этих церемоний, — добродушно рассмеялся тот. — Обычный фокус. У меня есть один редкий артефакт, позволяющий временно материализовать потоки энергии.

Свои секреты Чжоу Тун раскрывать не спешил. Каким бы приятным ни был его новый знакомый, говорить о врождённом даре Глаз Инь-Ян первому встречному он не собирался.

— Простите мою слепоту, мастер Чжоу, — искренне произнёс Хань Цицин. — Если бы не ваша проницательность, вся семья Сун была бы обречена на медленную гибель.

И дело было не только в том, что «Кольцо Дракона и Объятия Тигра» заперли людей в ловушке. Подобные аномалии безжалостно калечили людские судьбы. Не зря говорят: «Какова земля и вода, таков и человек». Благоприятный фэншуй дарует здоровье и долголетие, дурной же несёт лишь проклятия и смерть. Даже если бы обитателям усадьбы удалось выжить в этом плену, их ждали бы неизлечимые хвори, скорая кончина и вечные несчастья, которые перешли бы и на их потомков.

До того удивительного сна Чжоу Тун и сам терялся в догадках, почему мирные духи гор вдруг взбунтовались. Теперь всё встало на свои места. Недавний оползень случился не из-за каприза природы или яростной схватки хранителей. Дракон и Тигр пытались защититься от внешнего давления, пожиравшего их суть. Нынешняя грозная формация — не что иное, как последний отчаянный рубеж обороны, попытка сберечь остатки священной энергии гор от невидимого грабителя.

Силы древних зверей были на исходе. Им требовалась помощь.

— Как я могу помочь вам, мастер? — серьёзно спросил Хань Цицин, готовый беспрекословно выполнить любое указание.

Заметив его излишнюю сосредоточенность, Чжоу Тун мягко улыбнулся:

— Полно тебе, не робей. Мы оба служим Пути Небесных Наставников и прекрасно знаем главное правило: делай что должен, и будь что будет. Достаточно просто приложить все силы.

— Вы правы, — Хань Цицин послушно кивнул.

— И давай договоримся: прекрати величать меня мастером, у меня от этого обращения уже мурашки по коже, — взмолился Чжоу Тун. — Мы ведь коллеги. Зови меня просто Чжоу Туном.

Хань Цицин замялся, явно не решаясь сразу перейти на «ты» со столь одарённым экзорцистом. Чжоу Тун лишь снисходительно хмыкнул и не стал его неволить.

— План таков: сначала мы определим точное положение духовного узла — истинной акупунктурной точки горы. Как только найдём этот центр силы, один из нас исполнит «Девять песен», а второй заведёт ритуальный танец с копьём. — Чжоу Тун выжидающе прищурился: — К чему у тебя больше лежит душа? К песнопениям или к оружию?

— Пожалуй, я возьму на себя «Девять песен», — рассудил Хань Цицин. — Моё тело слишком зажато для столь сложных ритуальных движений.

— Договорились. К тому же после завала тебе вредно перенапрягаться, — одобрил Чжоу Тун. — Потренируйся эти пару дней. Идеально подойдёт старинная цинь или бамбуковая флейта. Расспроси хозяев усадьбы, вдруг у них найдётся подходящий инструмент. На худой конец, споешь без аккомпанемента.

— Понял, я всё устрою, — пообещал Хань Цицин.

— Вот и славно. Завтра я отправлюсь на поиски истинной точки силы, а ты пока набирайся сил. Нам обоим потребуется колоссальная концентрация.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — твёрдо произнёс Хань Цицин.

Чжоу Тун дружески похлопал его по плечу:

— Не изнуряй себя сверх меры. Полноценный отдых сейчас важнее всего. Пойду к себе. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Уже у самого порога Чжоу Тун остановился и пристально посмотрел на собеседника:

— И ещё... Подумай на досуге, не давал ли ты в прошлом обещаний, которые так и остались невыполненными? Это крайне важно, Хань Цицин. Невыполненный обет может напрямую влиять на твою судьбу и притягивать беды.

Хань Цицин растерянно кивнул. Слова Чжоу Туна всколыхнули в его душе смутные, полузабытые воспоминания родом из далёкого детства. Память упрямо ускользала, но в глубине сознания теплился образ какого-то обещания, данного кому-то очень давно.

«Что же это был за договор?..»

Внезапно его мизинец пронзила короткая острая боль. Хань Цицин выпростал руку из-под тёплого одеяла и уставился на свои бледные, тонкие пальцы. Мысли в его голове на миг замерли в абсолютной пустоте.

На следующее утро ливень даже не думал утихать. Тяжёлые, свинцовые тучи, казалось, задевали крышу особняка, а внутри дома воцарилась гнетущая, тревожная атмосфера. Малыш Сяо Сюань заливался горьким плачем с самого рассвета. Хэ Лижун сидела в гостиной, неторопливо попивая утренний чай, и раздражённо бросила проходящей мимо служанке:

— Да что с этой Цзэн Жоу такое? Ребёнок орёт без умолку уже несколько часов подряд, неужели так трудно его успокоить?

Наконец непрекращающийся плач вывел из терпения и саму пожилую хозяйку дома. Покинув свои покои, старушка медленно поднялась на второй этаж к спальне Цзэн Жоу. Она несколько раз требовательно постучала в дверь, но изнутри доносился лишь надрывный младенческий крик. Ей никто не ответил.

Лицо старой госпожи Сун потемнело от нехорошего предчувствия.

— Принесите запасные ключи, — резко приказала она стоявшей рядом прислуге.

— Сию минуту!

Служанка торопливо отперла замок. Едва створка распахнулась, как из комнаты вырвался ледяной, яростный порыв сквозняка, принёсший с собой брызги дождя. Холодные капли ударили старушке прямо в лицо. Она нахмурилась, мгновенно почуяв неладное.

Старушка решительно шагнула через порог. Маленький Сяо Сюань лежал посреди огромной кровати, захлёбываясь от крика. Его пеленки насквозь промокли от залетавшего в раскрытое окно дождя. Тельце младенца было ледяным, но лоб горел как в огне — у него начинался сильный жар. Старая госпожа Сун немедленно велела унести ребёнка в тепло и вызвать семейного врача.

Сама же она, опираясь на трость, подошла ближе к окну и заглянула в сад. От увиденного лицо пожилой женщины мгновенно побелело, и она в ужасе отпрянула назад, чуть не выронив опору.

— Сюда... — хрипло, на пределе сил закричала она. — Быстрее, все сюда!

Чжоу Тун вместе со сбежавшимися слугами вошёл в спальню. Подойдя к распахнутому окну, он взглянул вниз, и его взгляд мгновенно заledenел.

Изувеченное тело Цзэн Жоу безжизненной куклой висело на ветвях раскидистого дерева в саду. Её руки и ноги были неестественно вывернуты, а одна оторванная кисть валялась прямо под стволом в грязи. Некогда холёное, красивое лицо несчастной превратилось в кровавое месиво — кто-то вспорол кожу тончайшими лезвиями, лишив её человеческого облика. Одежда была разорвана на груди, а левая грудь зверски вырезана. Остекленевшие глаза покойной в

немом ужасе уставились в пасмурное небо. Даже одного взгляда на эту жуткую картину хватало, чтобы осознать весь кошмар её последних минут жизни.

— Призрак... — ахнула одна из горничных, в ужасе зажимая рот ладонями. — Это точно то чудище! Тот самый призрак молодой девушки!

Домочадцы испуганно зашептались, воскрешая в памяти недавние леденящие душу встречи с потусторонним.

В их воспоминаниях снова и снова возникал бледный девичий силуэт лет шестнадцати. Существо, застрявшее между миром живых и мёртвых, скалило зубы в жуткой улыбке, наблюдая за ними из тёмных углов усадьбы.

Если бы не чистое везение, каждый из них мог закончить так же, как эта несчастная женщина.

Но почему именно Цзэн Жоу?

Чжоу Тун напряжённо размышлял. Многие слуги в особняке сталкивались с гостьей с того света, но все они отделялись лишь лёгким испугом. Даже Сун Сюань, который видел призрак чаще остальных, остался цел и невредим. Что же такого совершила Цзэн Жоу, раз её покарали с подобной жестокостью?

Он активировал свои Глаза Инь-Ян и пристально вгляделся в изуродованные останки. Душа Цзэн Жоу уже покинула тело, однако плоть всё ещё источала плотное облако тёмной энергии. Присмотревшись, Чжоу Тун заметил странную аномалию: в теле покойной боролись два разных источника злобы. Один из них, невероятно мощный и древний, буквально подавлял собственную посмертную обиду женщины, запечатывая её внутри мёртвой плоти.

«Где её душа? Неужели успела уйти на перерождение? Или из-за пережитого кошмара переродилась в свирепого призрака?» — крутилось в голове у Чжоу Туна.

Решив повременить с поисками акупунктурной точки горы, юноша предпочёл для начала тщательно осмотреть весь дом.

Однако поиски, занявшие всё утро, не принесли результатов. Усадьба выглядела совершенно мирно. Единственным осквернённым местом оставалась спальня Цзэн Жоу.

— Снова за кисть и чернила? — насмешливо поинтересовался Лин Юань.

— Куда деваться, — со вздохом отозвался Чжоу Тун. — Благо у меня есть Зеркало Семи Сокровищ. С ним я могу штамповать охранные знаки сотнями.

Он быстро перенёс на бумагу очертания нескольких Талисманов Шести Небесных Стволов и Шести Земных Ветвей, а также защитные Талисманы Божественного Императора Чжэнь. Расклеив их по всему особняку для безопасности жильцов, Чжоу Тун наконец отправился на поиски устья силы.

Горы всегда славилась чистейшей духовной энергией, но по непонятной причине этот источник иссяк, переродившись в густую, мертвящую скверну. Пелена проклятий надёжно укрывала истинное лоно горы от посторонних глаз. Поиски под нескончаемым, бьющим в лицо ливнем грозили затянуться на недели, однако врождённый дар Глаз Инь-Ян давал Чжоу Туну колоссальное преимущество перед любым обычным геомантом.

К тому моменту, когда юноша отыскал нужную точку и вернулся в усадьбу, над крышей дома уже клубились иссиня-чёрные грозовые тучи, сочащиеся мёртвым холодом.

В холле собрались все обитатели поместья. Слуги жались по углам с застывшим на лицах отчаянием, а старая госпожа Сун безмолвно восседала во главе стола.

Чжоу Тун тихо подошёл к Толстяку Дуаню:

— Что здесь происходит?

— Беда, — шёпотом отозвался тот. — Они поняли, что дорога из горы перекрыта. Я же говорил, долго скрывать это не получится.

— Молчи, — одёрнул его Чжоу Тун. — Сделай вид, что мы сами удивлены. Будем наблюдать.

— Ладно, — кивнул Дуань Чжэн.

— Я знаю, что господин Хань всё ещё слаб, и мне неловко просить его о помощи, — устало вздохнула старая госпожа Сун, нарушив тишину. — Но посудите сами: сначала кто-то осквернил могилы наших предков, затем зверски убили Цзэн Жоу. Ливень льёт стеной, а мы оказались заперты в этих проклятых горах без связи с внешним миром. Происходящее не даёт мне покоя... Вы — наследник великого клана Хань, перенявший тайные искусства своего отца. Умоляю, не оставьте нас в этой беде.

Бледный как полотно Хань Цицин сидел по правую руку от старушки. Почтительный тон хозяйки усадьбы отзывался в его сердце жгучим стыдом. Сам он мало что смыслил в происходящем кошмаре и, если бы не подсказки Чжоу Туна, даже не заподозрил бы перемен в фэншуй.

Внезапная буря скрыла от его взора важнейшие энергетические маркеры.

К тому же зверское убийство Цзэн Жоу совершенно не укладывалось в рамки обычной

геомантии. Смена энергетических потоков горы могла вызвать недомогание или несчастный случай, но лишить человека жизни столь изощрённым способом...

Здесь явно замешано нечто куда более зловещее.

Тщательно подбирая слова, Хань Цицин ответил:

— Успокойтесь, уважаемая госпожа Сун. С фэншуй мы разберёмся в самое ближайшее время. А вот смерть госпожи Цзэн требует более детального расследования. Пока я не вижу прямой связи между оползнем и её кончиной.

— И как же вы намерены исправить фэншуй? — с надеждой спросила старушка.

— Завтра на рассвете я подготовлю алтарь и совершу обряд призыва ясного неба, — уверенно произнёс Хань Цицин. — Стоит солнцу показаться из-за туч, как скверна рассеется сама собой. Однако для этого ритуала мне понадобится старинная цинь.

— Древняя цинь? — старая госпожа Сун нахмурилась и повернулась к Хэ Лижун.

Старшая тетушка с детства обучалась игре на этом благородном инструменте. На совершеннолетие отец преподнёс ей великолепную копию легендарной цинь «Девять Небес, Звонящие Нефритом». Инструмент был выполнен настолько искусно, что практически не уступал оригиналу, да и сам по себе являлся редким, баснословно дорогим антиквариатом. Позже Хэ Лижун забрала его с собой в качестве приданого, когда выходила замуж в клан Сун.

Хэ Лижун велела слугам принести инструмент. Хань Цицин бросил быстрый, вопрошающий взгляд на Чжоу Туна. Тот едва заметно кивнул.

— Прекрасно. Благодарю вас, госпожа Хэ, — согласился Хань Цицин.

Проницательная хозяйка дома уловила это безмолвное общение между молодым экзорцистом и Чжоу Туном. Она задерживала взгляд на Чжоу Туне чуть дольше обычного, сделав для себя мысленную пометку.

Когда собрание разошлось, Хань Цицин догнал Чжоу Туна:

— Прости... Чжоу Тун. Мне пришлось немного приврать. Я уверен, что за искажением фэншуй стоит чей-то злой умысел. Не хотел раскрывать все карты раньше времени, чтобы не спугнуть злоумышленника.

Он явно не умел лгать, и его бледные щёки густо залил румянец.

Чжоу Тун подмигнул ему:

— Ты всё сделал правильно. У меня тоже нет сомнений, что этой усадьбой манипулируют. Не переживай, завтра мы нанесём ответный удар.

— Неужели ты действительно отыскал истинный духовный узел горы? — изумился Хань Цицин.

— Нашёл, — спокойно подтвердил Чжоу Тун.

Хань Цицин лишился дара речи от восхищения.

Любые геомантические формации подвижны. Благодатное место со временем может истощиться, а гиблое — очиститься. Именно поэтому семья Сун задумалась о переносе родового кладбища и пригласила его, чтобы определить новое положение истинной точки силы.

И вот Чжоу Тун совершил невозможное — всего за один день выполнил работу, на которую у него самого ушла бы по меньшей мере неделя кропотливых вычислений!

Хань Цицин почувствовал укол профессиональной зависти, смешанной со стыдом. Рядом с этим юношей он казался себе сущим профаном.

Но следом в его душе вспыхнула робкая надежда.

"А вдруг Чжоу Тун — тот самый великий покровитель, которого мне предсказала тётушка? Если это так, с его невероятным даром мне не страшна никакая, даже самая суровая жизненная невзгода..."

<http://bllate.org/book/18246/1764705>